

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ
265-ЛЕТИЮ СЫРЫМА ДАТОВА**

Жанаев Б.Т. Малоизвестные источники о Сырыме Датове	3
Мажитов С.Ф. Теоретико-методологические аспекты истории движения Сырыма Датова (1783-1797 гг.)	9
Мәшімбаев С.М. Сырым Датұлы – дала (қазақ) демократиясының негізін қалаушы.....	36
Мұқтар Ә.Қ. Сырым тарихының өзекті мәселелері	40
Попова Е.Н. Истоки зарождения русско-казахских отношений в XVIII в.: страницы истории.....	46
Сдыков М.Н. Экспедиция в Узбекистан (поиск захоронения Сырыма Датова).....	49
Тилеумуратов М.Т. Сырым Датов – национальный герой народов Центральной Азии	62
Қыдыршаев А. Сырым Датұлының шешендік мұрасы.....	66
Конференция резолюциясы. Резолюция конференции	74

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А. Хан моласы – место захоронения Абулхайр-хана (ок. 1680–1748 гг.): предварительные итоги научно-исследовательских работ по некрополю в 2007 г.	77
Аман Ә.Б. 1920 - 1930 жж. Батыс Қазақстан ауыл тұрғындарының саны, табиғи өсімі.	88
Ахметова Ұ.Т. Ахмет Байтұрсынов және Орынбор қаласы	105
Ахметова Ұ.Т. Қазақ тарихы және А.И.Добросмыслов.....	109
Маннапов М.М. Родоплеменная структура башкир Степного Заволжья... ..	113
Мұқтар Ә., Сүндетұлы Қ. «Үлгі ауыл» газетінің тарихынан	124
Мячина К.В. Историко-географические особенности развития нефтегазодобычи в Оренбургской области	129
Нурғалиева А.М. Строительство мечетей как внешнее проявление степени распространения ислама в казахских степях в XVIII-XIX веках.....	135
Почекаев Р.Ю. «Закон», «обычай», «традиция» средневековых монголов в «Книге о тартарах» Иоанна де Плано Карпини.....	141
Прошина Н.М. Новые профсоюзные стратегии и исторический опыт	150
Сүндетұлы Қ. Орал баспасөзінің тарихынан (1919 - 1928 жж.)	156
Сулейменова Г. К истории реформы образования в условиях демократизации общества	162
Койти Тоёкава, Бекмаханова Н.Е. «Оренбургская экспедиция пограничных дел» П. И. Рычкова.....	168

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Хабдулина М.К. Тасмолинская археологическая культура: современное состояние	181
Кокуркина О.В. Территория и время бытования ранних диагональных погребений	195
Иванов В.А. Золотоордынские всадники степей Южного Приуралья	211
Пачкалов А.В. О контактах Западной Европы с золотоордынским Хорезмом	220
Пачкалов А.В. Сарай и Сарайчук	233

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Создание Свода памятников природного и культурного наследия в Западном Казахстане	237
Бисембаев А.А., Бидагулов Н.Т., Дуйсенгали М.Т., Уразов А.А. Результаты исследований Актюбинского областного центра истории, этнографии и археологии в 2007 г.	276
Нұрымбетов Е.Ш. Батыс Қазақстан облысының Қазталов ауданы бойынша экспедиция материалдары.....	280

ЮБИЛЕИ

Сдыков М.Н., Рамазанов С.К. Джубанову А.А. - 60 лет	284
Правила оформления рукописи.....	287

Редакция алқасы:
М.Н.Сдыков (бас редактор)

Абусейтова М.К., Асылбеков М.Х., Ажигали С.Е., Абдуллаев Н.А., Байпаков К.М., Бекмаханова Н.Е., Бисембаев А.А. (бас редактордың орынбасары), Бекназаров Р.А., Гуцалов С.Ю., Кадырбаев А.Ш., Каракулов Б.И., Марыксия Д.В. (жауапты редактор), Мухтар А.

Меншік иесі:

*«Батыс Қазақстан облыстық тарих және археология орталығы» МКҚК
Журнал Қазақстан Республикасы мәдениет және ақпарат Министрлігінде
2005 жылы 16 тамызда тіркелді. Тіркеу нөмірі № 6219 – Ж.*

Басшылым Ақтөбе облыстық тарихи, этнография және археология орталығымен бірлесе жарыққа шықты.

Журналдың мекен жайы: Қазақстан Республикасы,
Орал қаласы, Достық даңғылы 184.
Тел. 8 (711 2) 515226, 503578 (факс), e-mail arhcentr@mail.kz

ISBN 9965-27-373-1

© «Батыс Қазақстан облыстық тарих және археология орталығы» МКҚК

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тасмолинская археологическая культура: современное состояние*

М.К. Хабдулина

Мир Касымович Кадырбаев оставил яркий след в археологии Казахстана и Евразии, в целом. С его именем связано открытие и исследование археологической культуры раннего железного века Центрального Казахстана, получившей название тасмолинской. В 70-е годы XX в. его археологические маршруты пролегли по территории Западного Казахстана. В левобережье р. Илек были полностью исследованы могильники Бесоба, Сынтас, часть курганов в урочищах Кумиссай и Жалгызоба. Всего раскопано 19 курганов, в которых было обнаружено 52 погребения. Большинство насыпей относятся к категории элитарных курганов савроматской эпохи. Были получены яркие образцы высокохудожественной бронзы, ювелирного и камнетесного искусства, подтвердившие присутствие на реке Илек крупного племенного центра савроматов (Кадырбаев, 1984, С. 84-93).

В 1972 г. М.К. Кадырбаев стал организатором и руководителем Лаборатории археологических технологий ИИАЭ АН КАЗ ССР. Это было новое направление в археологии Казахстана. По замыслу М.К. Кадырбаева Лаборатория должна была иметь не только прикладной характер, но и стать центром теоретических историко-культурных реконструкций. В структуре Лаборатории были открыты отделы спектрального анализа, гончарных технологий, палеозоологических исследований. Перед сотрудниками лаборатории были поставлены задачи анализа технологии гончарного дела, изучения хозяйства древнего и средневекового населения Казахстана, исследование уровня развития горного и металлургического производства.

В рамках поставленных задач начинается комплексное изучение поселений металлургов бронзового века микрорайона Атасу (1975 – 1981 гг.). Ведутся раскопки поселений, исследуются древние шахты, вычисляются объемы руды и выплавленного металла. Снимаются топопланы разносов, составляются карты древних рудников. На поселении Атасу 1 были открыты и исследованы металлургические печи эпохи бронзы (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, С. 40).

Хабдулина Марал Калымжановна – кандидат исторических наук, директор НИИ археологии им. К.А. Акишева Евразийского национального университета им. Л.Н.Гумилева. г. Астана, Казахстан

* Статья представляет собой дополненный текст доклада на международной научной конференции “Кадырбаевские чтения-2007” (Актобе, 16-18 мая 2007 г.)

Началась обработка материалов, накопленных археологическими коллективами страны. Стали издаваться аналитические обзоры. Во главе всех начинаний, выбора путей исследования стоял заведующий лабораторией – М.К. Кадырбаев. Неистощимая энергия, эрудиция, талант руководителя и организатора стали давать свои результаты. Археологи Казахстана и соседних среднеазиатских республик получили возможность дополнить свои исследования и интерпретации аналитическими выкладками. Эта сторона деятельности ученого еще ждет своего исследования.

На археологической карте Евразии есть страна, огромный регион, где навсегда осталось имя М.К. Кадырбаева – это Центральный Казахстан и целая эпоха, названная им тасмолинской археологической культурой. Сейчас по прошествии более полувека со времени ее открытия, она получила название тасмолинская историко-этнографическая общность. Расширились границы ее ареала. На раннем этапе своей истории (VIII-VI вв. до н.э.) тасмолинцы занимали территорию, далеко выходящую за пределы Сарыарки. На западе их владения охватывали просторы Южного Урала, восточная граница проходила по Иртышу. На севере они доходили до южной кромки лесостепной зоны Западной Сибири, на юге - до широты озера Балхаш. В пограничных районах тасмолинской историко-этнографической общности выделены локальные варианты: бобровско-тасмолинская в Южном Зауралье, улубаевско-тасмолинская в северо-казахстанском Приишимье (Таиров, 2003; Хабдулина, 1994). По результатам работ алтайских археологов, культура, аналогичная тасмолинской, зафиксирована в Приджунгарье. В VI-V вв. до н.э. границы общности на западе сокращаются. Они покидают пределы Южного Зауралья. Влияние тасмолинцев начинает распространяться в северо-восточном направлении, в Обь-Иртышскую лесостепь. При этих пульсирующих изменениях границ неизменным оставался центр – территория Казахского мелкосопочника. Тасмолинцы оказали влияние и приняли участие в формировании новых культурных образований раннего железного века Южного Урала и Западной Сибири (саргатской, каменной) (Хабдулина, 1994; Могильников, 1997; Таиров, 2005).

Тасмолинская археологическая культура выделяется среди синхронных культур скифо-сакской эпохи рядом, присущих только ей, этнографических черт. Новые знания позволяют слегка откорректировать признаки, обозначенные в свое время М.К. Кадырбаевым (1966, С. 401). К ним следует отнести: северное направление ориентировки погребенных, отсутствие в могиле керамической посуды, культ коня. Культ коня выражается не только в сопровождении умершего черепом лошади, но и в присутствии достаточно полного набора конского снаряжения. Причем это были вещи, реально употреблявшиеся в быту, а не их вотивные или бутафорские модели.

Предметный мир тасмолинских курганов позволяет говорить о социальном расслоении общества, состоявшего из трех сословных страт: воинов-дружинников, служителей культа, рядовых общинников. Для первых характерны погребения с полным воинским снаряжением (предметы вооружения, наборные пояса, предметы конской узда). Для вторых – каменные жертвенники, бронзовые зеркала, наборы для татуировки («пеналы» с порошкообразной краской, костяные шпильки). Рядовое население хоронили менее пышно. Хотя и в их могилах

встречаются наконечники стрел, оселки, бронзовые или железные ножи.

Наряду с общесакскими моделями предметов «скифской триады» известны вещи, подчеркивающие этнографические особенности культуры. Из предметов вооружения – это так называемый «нурманбетский» тип кинжалов с массивной рукоятью волнистых очертаний, широким овальным перекрестием и плоским грибовидным навершием (Кадырбаев, 1966, С. 344). Среди многочисленных предметов конского снаряжения своеобразие тасмолинской узды придают бронзовые колокольчики и скульптуры архаров. Последние, по мнению М.К. Кадырбаева, могли использоваться в качестве султанов-начальников (Кадырбаев, 1966, С. 396). Среди предметов культа выделяются бронзовые зеркала с длинной ножевидной ручкой и петелькой в основании ручки (Грязнов, 1956). Особую категорию вещей представляют каменные жертвенники. Они плоские, овальных или круглых очертаний изготовлены из песчаника с учетом структуры камня, придающей изделию при шлифовке разнообразный красивый рисунок. К деталям костюма, составляющим этнографическое своеобразие культуры, относятся длинные костяные шпильки и разнообразные по металлическому оформлению воинские наборные пояса.

В истории изучения тасмолинской археологической культуры можно выделить три периода. 1) 30-е – середина 50-х годов XX в. Это время первых раскопок курганов раннего железного века Центрального Казахстана, открытие и начало изучения курганов с усами, попытки объяснения их функционального назначения. В 1933 г. Нуринская экспедиция ГАИМК раскопала один курган в урочище Дандыбай, который не дал никаких находок. С 1946 г. ЦКАЭ начинает планомерное обследование Центрального Казахстана. Внимание А.Х. Маргулана привлекли необычные по конструкции сооружения, входящие в состав курганных групп ранних кочевников и могильников эпохи бронзы. В результате масштабных разведок были намечены границы распространения этого типа памятников, названных им «курганы с лучами», «солнечными курганами». Единичные раскопки курганов и участков каменных гряд не дали датирующего материала. Эти загадочные конструкции были отнесены к культовым, ритуальным сооружениям. А.Х. Маргулан связывал семантику планиграфии курганов с каменными грядами с культом Солнца, с расположением кочевой ставки, усы – как ограждение внутренней площадки (Маргулан, 1948, С. 54).

Первый период завершается статьей М.П. Грязнова, в которой были опубликованы материалы раскопок курганов с усами на озере Большое Чебачье (Грязнов, 1956). Курганы были раскопаны геологом Б.Н. Ждановым еще в 1930 г. Вещевой инвентарь, аналогии и характеристика случайных находок, происходящих с северных регионов Казахстана, позволили М.П. Грязнову отнести курганы с усами к раннему железному веку. Таким образом, была определена культурно-хронологическая позиция курганов с усами и высказано мнение о своеобразии культуры ранних кочевников Северного и Центрального Казахстана.

2) Середина 50-х – конец 70-х гг. в истории изучения тасмолинской археологической культуры можно назвать «Кадырбаевским» периодом. В 1957 г. в составе ЦКАЭ сформирован отдельный отряд под руководством М.К. Кадырбаева. С этого времени начинается целенаправленное изучение памятников раннего железного века. К концу 50-х годов

раскопано 85 курганов ранних и поздних кочевников, среди них 23 кургана с каменными грядами. Полученный материал систематизирован в кандидатской диссертации М.К. Кадырбаева (Кадырбаев, 1959). Предложена периодизация Центрального Казахстана, выделены два вида надмогильных сооружений: просто курганы с каменным кольцом, иногда ровом вокруг насыпи и курганы с каменными грядами («усами»).

Работы начала 60-х годов XX в. были связаны с веткой будущего канала Иртыш-Караганда. Именно здесь на реке Шидерты были открыты могильники, давшие богатый и разнообразный материал: металлические предметы конской упряжи, бронзовые скульптурные навершия, золотые и костяные украшения в зверином стиле. По названию курганов урочища Тасмола М.К. Кадырбаев в 1966 г. выделяет тасмолинскую археологическую культуру VII – III вв. до н.э. (Кадырбаев, 1966). Характерным признаком культуры становятся курганы с усами, хотя сам Мир Касымович подчеркивает, что количественно они уступают просто курганам из земли и камня. Их соотношение примерно равно 1:10. Сходство конструкции насыпей, расположение курганов с каменными грядами рядом с курганами эпохи железа дало ему основание объединить их в рамках одной археологической культуры.

По планировке были выделены четыре типа курганов с усами. Периодизация и хронология тасмолинской культуры построена на классификации предметов вооружения и конской узда. В конце сводной работы определено место тасмолинской культуры среди скифо-сакских древностей. Дана характеристика основных отраслей хозяйства, верований и общественного устройства тасмолинцев. С этого времени все курганы с усами, независимо от характера находок, стали относить к тасмолинской археологической культуре.

К концу 60-х годов на территории Центрального Казахстана было вскрыто более 300 курганов раннего железного века. К сожалению, значительная часть их оказалась ограблена. В последующее десятилетие научные интересы М.К. Кадырбаева не были связаны с тасмолинской проблематикой.

3) С конца 80-х годов XX в. начинается современный период в изучении тасмолы. Новым для него являются выделение коргантасского этапа как заключительного периода в истории тасмолинской археологической культуры; ревизия взглядов на датировку и этнокультурную принадлежность курганов с усами; открытие и раскопки поселений и крупных курганов раннего железного века.

Период начинается с возобновления раскопок курганов раннего железного века на территории восточной части Центрального Казахстана. В 1988-1993 гг. Новостроечным отрядом отдела археологии ИИАЭ АН РК под руководством А.З. Бейсенова было исследовано 50 курганов, из них 13 захоронений III-I вв. до н.э. Полученный материал и единичные раскопки, произведенные уже после выхода обобщающей работы М.К. Кадырбаева, привели к необходимости осмысления и анализа тасмолы с позиций новых знаний по скифо-сакской эпохе Евразии. К концу XX в. были открыты Аржан, курганы VII-VI вв. до н.э. на Южном Урале, обобщены материалы по раннему железному веку Северного Казахстана и лесостепной полосы Западной Сибири (Грязнов, 1980; Таиров, 2000; Хабдулина, 1994; Корякова, 1988; Матвеева, 1994). Требовалось вписать тасмолу в это новое окружение.

А.З. Бейсенов собрал все архивные материалы по раскопкам курганов раннего железного века Центрального Казахстана, сделал статистические расчеты, выделил основные признаки погребального обряда тасмолинских племен, и описал развитие обряда от VII до I вв. до н.э. Отдельная глава его диссертации посвящена курганам с усами. В ней уточнена типология этих сооружений, дано описание конструкции гряд. А.З. Бейсенов выделяет два ведущих типа: автономный курган с грядами, не имеющий захоронения человека (тип 1); и курган с усами, пристроенный с востока к насыпи с погребением человека (тип 2). Эти две разновидности составляют 88% всех открытых объектов (Бейсенов, 1997, С. 18). Наиболее распространенными признаками курганов с усами являются: наличие сосуда, черепа лошади или фрагментов скелета лошади в восточной половине подкурганной площадки. И именно эти детали не характерны для тасмолинских курганов первого вида.

Наибольшую сложность вызвала датировка курганов с усами. По данным, собранным А.З. Бейсеновым, на середину 90-х годов на территории Казахстана было раскопано 54 кургана с усами. Из них лишь 17 объектов дали вещевой материал и 11 из них датированы I тыс. н.э. Стала задача объяснить различия в датировке и культурной принадлежности курганов с усами.

Эта проблема в свое время занимала и М.К. Кадырбаева. В 1959 году Мир Касымович после раскопок курганов Канатгас 19 и Коктал, давших материал IV-V вв. н.э., высказал мнение, что традиция возведения курганов с усами в Центральном Казахстане сохранялась тысячу лет - от VII в. до н.э. до середины I тыс. н.э. (Кадырбаев, 1959а; 1959б). Однако это вступало в противоречие с логикой этнокультурных процессов эпохи железа. Трудно было представить столь длительное бытование одного вида памятников при смене этносов, трансформации культур. Такие факторы как: сходство конструкции насыпей, топографическое расположение на одном могильном поле с курганами раннего железного века и яркие материалы кургана 19 могильника Тасмола I и кургана у оз. Б.Чебачье определили для М.К. Кадырбаева тасмолинскую принадлежность курганов с усами. А.З. Бейсенов остался верен этой трактовке. Он отнес курганы с усами к категории поминально-культовых сооружений VII-I вв. до н.э. Относительно погребений I тыс. н.э. А.З. Бейсенов высказал предположение, что они могли быть вводными в курганы с усами сакского времени (Бейсенов, 1997, С. 19).

Новым в изучении тасмолинской культуры было выделение третьего заключительного этапа, датированного III-I вв. до н.э., и названного коргантасским этапом тасмолинской археологической культуры (Бейсенов, 1995).

Название заключительного этапа тасмолы дано по курганам урочища Коргантас, раскопанным М.К. Кадырбаевым в 1969 г. Могильник Коргантас находится в 50 км южнее с. Баян-Аул Павлодарской области. В долине Коргантас расположены 12 курганов, среди них два кургана с усами. Раскопаны были все курганы, большая часть могильника оказалась ограбленной (Кадырбаев, 1969, С. 32-36).

В отчете за 1969 г. М.К. Кадырбаев впервые описывает курганы, отличающиеся по обряду от тасмолинских. «По характеру погребального обряда выделяются 5 курганов. Они не имеют устойчивой системы расположения, разбросаны по всей долине и относятся к более

позднему времени. В этих курганах обращает внимание смешанная структура насыпи (земля с камнем), ориентировка ям СВ-ЮЗ и ещё одна особенность. Северо-восточная часть грунтовой могильной ямы за изголовьем погребенных оставлялась свободной и предназначалась для ритуальной пищи. Ею служили головы животных. Чаще всего это лошади и бараны, реже – козы и только в одном случае – череп крупного рогатого скота. Существенной чертой ритуала является также положение на грудь погребенному лопатки и ребра лошади» (Кадырбаев, 1969).

В этом же отчете приведено описание двух курганов. В одном (№ 11) было найдено 9 железных черешковых трехперых наконечников стрел. На поясе погребенного обнаружена «массивная бронзовая литая пряжка прямоугольной формы. Размеры 4,5х4,0 см. С внутренней короткой стороны пряжка имеет скобу, при помощи которой она прикреплялась к ремню и овальной формы отверстие на другом конце для соединения с наременным крючком. Площадь внутри прямоугольной рамки заполнена рисунком, изображающим сцену терзания грифоном оленя. Грифон изображен с туловищем хищника и довольно схематическими крыльями, направленными вверх от лопаток. Вообще вся сцена мало передает движение, выглядит несколько схематично. В ней нет того динамизма, той экспрессии, которыми отличались произведения мастеров скифского времени» (Кадырбаев, 1969). Вещевой инвентарь кургана № 11 дополняют железный нож, бронзовая пуговицевидная бляшка, три бусины, обрывки золотой проволоки и золотой фольги. Каких-либо выводов по датировке или культурной принадлежности этих курганов М.К. Кадырбаев не дает. Прорисовки вещей в отчете отсутствуют. Судя по размерам наконечников стрел (высота пера 2,5 см) – курганы относятся к концу 1 тыс. до н.э. С этой датой согласуется бронзовая ажурная пряжка со сценой терзания, художественный стиль которой имеет сходство с хуннскими бронзами.

К середине 90-х годов в Центральном Казахстане было открыто 22 кургана III-I вв. до н.э., позволивших А.З. Бейсенову объединить их в рамках коргантасского этапа тасмолинской археологической культуры. Были сделаны антропологические анализы, показавшие европеоидный облик мужских черепов. Отнесение курганов коргантасского типа к тасмолу обосновано А.З. Бейсеновым рядом факторов: северный сектор ориентировки умерших, европеоидный облик, присутствие взнузданного черепа лошади в жертвенном отсеке, бронзовые детали конской упряжи, перекрытие могил каменными плитами. Немаловажную роль сыграло сходство такой детали обряда, как сопровождение раннетасмолинских погребений многочисленными черепами лошадей и баранов, располагавшихся, правда, в южной части могилы. Это перекликается с содержанием жертвенных отсеков коргантасских комплексов.

В настоящее время известно уже около 30 курганов коргантасского типа. Их генезис, этнокультурная принадлежность привлекают внимание исследователей. Многочисленные аналогии погребальному обряду обнаружены в комплексах IV-III вв. до н.э. северо-западного Китая, Монголии и Алтая. По мнению ряда ученых, коргантасские курганы оставлены пришлым населением, не имеющим генетических связей с тасмолу. Поиски истоков курганов с жертвенными отсеками уводят в центральноазиатский регион. Появление их в Центральном Казахстане связывают с миграцией племен из северо-западного Китая (Таиров, 2006,

С. 194), или Алтая (Пересветов, 2006, С. 206).

Важные перемены в истории изучения тасмолинской археологической культуры связаны с пересмотром культурно-хронологических позиций курганов с усами. Динамика представлений о курганах с усами прошла путь от определения их семантики, функционального назначения до выяснения этнокультурной принадлежности. Для успешного решения этих вопросов значение имеют типология, структурное содержание комплекса, именуемого «курган с каменными грядами».

Впервые сомнение в одновременности всех структурных частей архитектурного комплекса кургана с каменными грядами было высказано С.С. Сорокиным (1981). Он сравнил каменные гряды с внекурганскими конструкциями, сопровождающими погребальные сооружения раннего железного века Евразии, и высказал предположение, что малый курган с каменными грядами пристраивался позже, в период поминального цикла обрядовых действий. Эту идею поддержал и развил А.З. Бейсенов, назвав курганы с усами культово-ритуальными сооружениями древних кочевников VII-I вв. до н.э. (Бейсенов, 1997).

Обращение к проблеме датировки курганов с усами было вызвано раскопками кургана Солончанка I и последующим открытием 110 объектов на территории Южного Зауралья (Любчанский, 2006, С. 386). Курган с усами Солончанка I не содержал погребений человека, «усы» были не каменные, а грунтовые. Под тремя насыпями, расположенными по линии север-юг, расчищены скелеты лошадей, предметы конской упряжи, остатки колчанов с железными черешковыми наконечниками стрел, бронзовый котелок, глиняный сосуд. Курган датирован V-VI вв. н.э. (Любчанский, Таиров, 1999, С. 32). Вслед за курганом Солончанка I на Южном Урале было вскрыто еще 10 курганов, с полным исследованием всех насыпей и расчисткой значительной площади каменных гряд. В семи курганах встречены сосуды, в трех из них – вещи из металла и кости. Надежно датирующий материал получен только из кургана с усами Солончанка I (Любчанский, 2006, С. 399, 404).

Параллельно с исследованием курганов с усами на Южном Урале были заново проанализированы известные по публикациям комплексы курганов с усами Центрального Казахстана и обращено внимание на несоответствие их хронологии и культурной принадлежности (Любчанский, 1998, С. 303; Боталов, 2000, С. 289-290; Свиридов, 2005, С. 152-155). В статье А.Н. Свиридова предложена логика обоснования М.К. Кадырбаевым принадлежности курганов с усами к сакской эпохе. Указано, что главную роль сыграл фактор расположения курганов с усами на одном могильном поле с курганами раннего железного века. Во-вторых, сходство в конструкции насыпей и два кургана с усами с безупречной датировкой VII-V вв. до н.э. – это курган 19 могильника Тасмола 1 и курган на оз. Б.Чебачье (Кадырбаев, 1966, С. 313; Грязнов, 1956).

К этому необходимо добавить неоднократные случаи совмещения деталей, встречаемых либо только в курганах с усами, либо только в каменных насыпях раннего железного века, что также послужило для М.К. Кадырбаева обоснованием культурного единства двух видов памятников. Например, курган 4 могильника Карамурун I представляет комплекс из двух практически одинаковых по размеру насыпей, расположенных по линии север-юг. От них в юго-восточном направлении отходят каменные гряды. Обе насыпи содержат сосуды в восточной половине.

(Следовательно, они были сооружены одновременно). В северном кургане есть могильная яма, в которой среди разбросанных костей погребенного найдена костяная шпилька с навершием в виде стилизованной головы хищной птицы, датирующая курганы сакским временем (Кадырбаев, 1966, С. 357). Аналогичный случай совмещения сосуда на древней поверхности и могильной ямы с вещами тасмолинской эпохи зафиксирован и в кургане 4 могильника Нурманбет II (Там же, С. 368).

В настоящее время южноуральские археологи, исходя из материалов трех курганов Южного Урала (Солончанка I, Султантимиловский I, Городищенский IX), датированных 1 тыс. н.э., и синхронных комплексов Казахстана (наиболее яркие из них – Канатгас, к.19, Коктал, Зевакино, к.1,2, Беркутты) относят курганы с усами к раннему средневековью (V-VIII вв.). Этнокультурную принадлежность определяют как гуннскую (Любчанский, 1998), или тюркскую (Боталов, 2000, С. 289). Относительно курганов с усами сакского времени (такие есть и на Южном Урале – Кайнсай, к. 14) предполагается, что они имеют «двойную стратиграфию», при которой малый курган и каменные гряды были пристроены в более позднюю эпоху (Боталов, 2000, С. 290).

Т.о., со времени обоснования М.К. Кадырбаевым тасмолинской археологической культуры в ее изучении произошли значительные перемены. Во-первых, с учетом современных представлений о начале раннесакского этапа следует удревнить начало тасмолы до VIII в. до н.э. И этому есть подтверждение среди вещевых комплексов раннетасмолинских курганов. Верхняя граница остается в прежних рамках – III в. до н.э. Попытки продлить историю тасмолы до в. до н.э., включив в нее курганы коргантасского типа, вследствие малочисленности материала, не получают поддержки. Более доказательной кажется точка зрения о самостоятельности коргантасского этапа как нового культурного образования, отличного от тасмолы (Таиров, 2006; Пересветов, 2006).

Во-вторых, из числа археологических памятников тасмолинской культуры предлагают исключить курганы с усами (Любчанский, 1988; 2006, С. 387; Боталов, 2000, С. 289-317). Однако отрицать их связь с курганами раннего железного века Центрального Казахстана – проблематично. Также как растет число комплексов 1 тыс. н.э., обнаруживаются и курганы с усами, относящиеся к тасмолинской археологической культуре.

Стали известны стратиграфические факты, датирующие каменные гряды раннесакским временем. В 2001 году А.З. Бейсенов при исследовании могильника Караоба, раскопал курган диаметром 6 м, стоявший на каменной гряде крупного кургана с усами. Под насыпью кургана в грунтовой могильной яме, перекрытой крупными плитами, расчищено погребение женщины головой на ЗСЗ. Сопровождающий инвентарь представлен каменным жертвенником на четырех ножках. Автор раскопок специально подчеркивает, что при сооружении могильной ямы был разобран участок каменной гряды. Погребальный обряд и каменный жертвенник датируют курган VI-V вв. до н.э. (Бейсенов, 2002, С. 38). Из этого следует, что курган с каменными грядами был возведен раньше.

Сакским временем датируется курган с усами (№1) могильника Коргантас (Кадырбаев, 1969). Это был отдельно стоящий курган с каменными грядами (тип IV – по М.К. Кадырбаеву, тип 1 – по А. З. Бейсенову). В могильной яме расчищено погребение человека головой

на запад. Датирующий инвентарь представлен железным акинаком с почковидным перекрестием и брусковидным навершием, четырьмя наконечниками стрел. Три из них бронзовые (два трехгранные со скрытой втулкой, один черешковый), четвертый наконечник железный пулевидный. Описанные вещи датируют курган серединой 1 тыс. до н.э.

Такие факты нельзя отбросить. Даже если предположить, что каменные гряды пристраивались к существовавшим уже курганам сакской эпохи, надо найти объяснение почему их пристраивали именно к тасмолинским курганам. В чем причина такой избирательности?

Т.о., мы должны согласиться с мнением М.К. Кадырбаева, что необходимы большие дополнительные исследования для решения вопросов этнокультурной принадлежности и назначения курганов с усами. И, возможно, более верным будет принятие идеи М.К. Кадырбаева, хотя бы в виде рабочей гипотезы, о бытовании курганов с каменными грядами на территории Центрального Казахстана целое тысячелетие – с середины первого тысячелетия до н.э. до середины первого тысячелетия н.э. (Кадырбаев, 1959б, С. 96-97). Конечно, принятие такой гипотезы влечет за собой серьезные теоретические последствия. Неизменность и длительность сохранения традиции возведения курганов с усами может служить фактом неизменности основного ядра населения. Об этом также писал Мир Касымович: «Своеобразный характер памятников этой территории и их устойчивость позволяют предполагать, что в данном случае мы имеем дело с прочным экономическим и политическим объединением племен, просуществовавшим довольно продолжительное время» (Кадырбаев, 1959б, С. 97).

Такой подход идет вразрез с современными концепциями культурогенеза раннего железного века Южного Урала и Центрального Казахстана, по которым складывание и трансформация культур происходят вследствие периодических миграций с северо-западного Китая (Таиров, 2003, С. 166; 2006, С. 194). При всей значимости теории миграций в сложении культур раннего железного века, думаю, никто не исключает и роли местных племен.

Важная роль в изучении проблемы происхождения тасмолинской археологической культуры принадлежит новому виду археологических памятников – поселениям раннего железного века. В культурном слое поселений найдены бронзовые и костяные наконечники стрел, фрагменты каменных жертвенников, бронзовые ножи с кольцевым навершием (Хабдулина, 2003, С. 195-197). В массовом количестве представлены каменные орудия труда в виде топоров, мотыжек, терочников, пестов. Эта категория находок и керамика позволяют отнести к раннесакскому времени часть поселений, которые ранее считались позднебронзовыми – это поселения Тагибай-Булак, Кулман, часть жилищ на поселении Трушниково (Маргулан, 1979, С. 226-231, 253-254; Черников, 1975, С. 134).

В Акмолинском Приишимье открыто и исследовано три поселения раннесакского времени (Кеноткель X, Таскора и Таскора 1) (Хабдулина, 2003, С. 189-214). По разведочным данным А.З. Бейсенова в Восточной Сарыарке обнаружено 21 поселение, топографически приуроченное к южным, юго-восточным склонам горных гряд. На четырех поселениях были заложены раскопы (Едирей, Туйетас, Кызылсуир-2, Сарыбуйрат). Изучены планировка, площадь, архитектура жилищ (Бейсенов, 2004,

С. 217-218). В 2004 г. в Кентских горах начато исследование поселения тасмолинской культуры – Кыштан (Варфоломеев, Евдокимов, 2005). Таким образом, к настоящему времени в Сарыарке известно около 30 поселений сакской эпохи.

Состав поселенческих коллекций указывает на занятие жителей поселков горнодобывающим производством. Каменные мотыжки, кайла, терочники – орудия необходимые при добыче и переработке руды (Жауымбаев, 2001, С. 43-50). Возможно, часть каменных орудий могла применяться в земледелии (Черников, 1975, С. 134). Сохранение хозяйственных отраслей бронзового века и дальнейшее развитие бронзолитейного производства в эпоху раннего железа подтверждают материалы поселения металлургов VIII-VII вв. до н.э. – Новошувльбинское (Ермолаева, Ермоленко и др., 1998, С. 39-46). На этом поселении раскопом 108 кв.м вскрыты остатки трех построек, собрано свыше 115 кг пластинчатого и комкового шлака, 4,5 кг медной руды и бронзовых слитков, многочисленные фрагменты литейных форм. В культурном слое поселения Новошувльбинское обнаружены рудодробильные орудия горного и медеплавильного дела – каменные молотки, песты, терочники (Там же, С. 40, 44). Керамика поселения по форме, орнаментации, оформлению венчиков аналогична керамике тасмолинских поселений Центрального Казахстана.

Материал поселений раннего железного века уточняет некоторые аспекты проблемы происхождения тасмолинской археологической культуры. При анализе этой темы неоднократно обращалось внимание на отсутствие генетической связи между андроном и тасмолкой и пришлый характер тасмолинской археологической культуры (последнюю сводку мнений смотри – Таиров, 2003, С. 164-165). В работе А.Д. Таирова на основании комплекса данных обосновано формирование культур раннего железного века Казахстана и Южного Зауралья вследствие двух миграционных потоков с территории северо-западного Китая – в IX-VIII вв. и на рубеже VIII-VII вв. до н.э. (Таиров, 2003, С. 166).

Еще одно направление притока населения в конце бронзового века обосновано Л.Т. Яблонским при сравнительном анализе краниологических серий бронзового и железного веков. По мнению Л.Т. Яблонского, истоки монголоидных черт в физическом облике населения раннего железного века и формирование сакских культур связаны с проникновением на территорию Казахстана и Южного Урала населения из лесостепного Зауралья, Западной и Южной Сибири (Яблонский, 2006, С. 352). Эта гипотеза, по-нашему мнению, может быть поддержана характером керамических коллекций тасмолинских поселений, которые по орнаментации сходны с поселенческой посудой лесостепной зоны.

Керамика является важным источником исторической информации. Поселенческая посуда сакской эпохи Центрального Казахстана по форме, декору восходит к донгальской, а через нее к валиковой керамике поздней бронзы. В лаборатории археологической технологии Отдела археологии ИИАЭ АН КазССР Т.М. Тепловодской был осуществлен сравнительный анализ технологии изготовления керамики эпохи бронзы Центрального Казахстана. Исследовались 4 группы керамики: алакульская, федоровская, бегазинская и валиковая (Кузнецова, Тепловодская, 1994). Результаты технико-технологического анализа выявили отличие формовочных масс и источников сырья для керамики конца эпохи бронзы (бегазинской и

валиковой). Относительно валиковой керамики Т.М. Тепловодская пишет: «Анализ валиковой керамики различных поселений показывает, что единой технологической традиции изготовления этой керамики не существовало. Это может служить показателем того, что культура валиковой керамики не сложилась где-то окончательно и в готовом виде была привнесена в эпоху поздней бронзы на поселения Центрального Казахстана. Судя по всему, культура валиковой керамики сложилась в результате длительного смешения множества разных технико-технологических навыков. Скорее всего, в Центральном Казахстане она складывалась на местной основе за счет смешения с привнесенными инокультурными традициями». Далее она указывает, что по технологии изготовления валиковая керамика имеет много общих черт с керамикой раннего железного века (Там же, С. 160, 167).

Таким образом, технико-технологический анализ керамики свидетельствует о начале трансформации культур в конце бронзового века. Процесс этот был длительный и многокомпонентный. Следствием перемен стал переход к раннему железному веку. Хотелось бы обратить внимание на декор раннетасмолинской поселенческой посуды. Ведущая техника орнаментации – ямочно-жемчужные наколы. В этом она обнаруживает сходство с керамикой лесостепной полосы Западной Сибири (байтовской, носиловской). Территория культур с ямочно-жемчужной керамикой распространена довольно широко по лесостепной и степной зонам Восточной Евразии. Судя по тасмолинским поселениям, распространение керамики с ямочно-жемчужной орнаментацией на территории Казахстана начинается в раннесакскую эпоху. Возможно, это является результатом проникновения племен из лесостепного Зауралья, Западной и Южной Сибири в период, переходный от бронзы к железу (Яблонский, 2006, С. 352). Но с другой стороны, возможно, это проявление каких-то эпохальных изменений, аналогичных распространению культур валиковой керамики. И механизм трансформаций не обязательно в миграции и влиянии из одного центра.

Сохранение преемственности культур поздней бронзы и раннего железного века подтверждается расцветом металлургического производства, дальнейшей разработкой древних рудников, изготовлением высокохудожественных и сложных по технологическим приемам предметов искусства. Химический и металлографический анализы тасмолинских бронз свидетельствуют о сходстве лигатуры и литейных операций от поздней бронзы (XII-IX вв. до н.э.) до раннесакского времени (VII-VI вв. до н.э.) (Кузнецова, Тепловодская, 1994, С. 92; Дегтярева, 1994, С. 23).

Новые грани проблемы происхождения тасмолинской археологической культуры раскрываются при исследовании крупных курганов этой эпохи. Две крупные насыпи (диаметром 40 м, высотой – 4-5 м) были исследованы в могильнике Нуркен Сарыаркинской экспедицией в 2000-2002 гг. Могильник находится на территории Каркаралинского района Карагандинской области (Бейсенов, 2002, С. 34-36; 2004, С. 214). Курганы имеют сложную архитектуру. Структура насыпи состоит из сырцовых «блоков – кирпичей». Под насыпью кургана 1 расчищен каменный ящик квадратной формы. К восточной стенке ящика подходит длинный (15 м) дромос, стенки его составлены из вертикальных плит, укрепленных горизонтальной кладкой. Могильное сооружение по форме и конструкции

– сочетание вертикальной и горизонтальной кладки плит – аналогично архитектуре бегазы-дандыбаевских скальных мавзолеев. Как пишет в статье А.З. Бейсенов, дромос дуговидным контуром напоминает очертание каменной гряды курганов с усами. Дромос на конце завершается расширением (Бейсенов, 2002, С. 34). В центре насыпи второго кургана открыто объемное покое сооружение высотой более 2 м, сложенное из плитняка на глиняном растворе. Эта конструкция также имела дромос. Курганы неоднократно граблены. Среди находок фрагменты керамики, фрагмент каменной зернотерки и часть бронзовой бляхи с барельефным изображением всадника и обнаженной фигуры человека, сидящего на корточках под крупом коня (Бейсенов, 2004, цветная вклейка).

Бляха в целом виде имела, видимо, прямоугольную форму. По контуру ее – орнамент в виде бегущей волны. Стиль изображения переднеазиатский. Всадник профилем похож на изображение сака на амударьинской пластине. Бляха носит следы вторичного использования в виде трех пробитых по краям отверстий (Бейсенов, 2004, цветная вклейка). Сюжетная композиция сочетанием всадника и обнаженной фигуры человека, имеет сходство с поясной бляхой из кургана 1 могильника Сибирка (Полосьмак, 1990, С. 106). Только в последнем случае – это барельефное изображение оседланной лошади и обнаженной фигуры лежащего человека. Курган 1 могильника Сибирка датирован IV-III вв. до н.э. и по погребальному обряду относится к могилам коргантасского типа.

Курганы могильника Нуркен датированы А.З. Бейсеновым VII-VI вв. до н.э. и отнесены к «начальному периоду сложения тасмолинской археологической культуры» (Бейсенов, 2004, С. 214). Интересно, что в архитектуре погребальных сооружений крупных курганов прослеживается связь с конструкцией бегазинских мавзолеев. А архитектура жилых конструкций тасмолинских поселений повторяет строительные традиции поздней бронзы Центрального Казахстана. Посуда по своим основным характеристикам восходит к валиковой керамике поздней бронзы. Химический и металлографический анализы тасмолинских бронз свидетельствуют о сходстве лигатуры и литейных операций от поздней бронзы до раннесакского времени. Все это заставляет нас, несмотря на увлечение модной в современной археологии миграционной теорией культурогенеза и призывов отказаться от «наивного автохтонизма», учитывать вклад местного автохтонного населения поздней бронзы в процесс сложения тасмолинской археологической культуры.

Своеобразный этнографический облик культуры, образованный деталями погребального обряда и предметным миром тасмолы – выделяют ее среди синхронных археологических образований скифо-сакской эпохи. В облике ее культуры ощущается связь с центральноазиатским регионом, с наиболее известной нам культурой сунну (Акишев, 1973, С. 57). В историческом аспекте представляется, что это было довольно сильное племенное объединение, не допускавшее размывания своих границ. Мощь его основывалась на собственных рудных богатствах, благоприятных природных условиях и яркой предыстории ее племен.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

- Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973
- Бейсенов А.З. Новый тип раннекочевнических погребений с черепами животных в Центральном Казахстане (к проблеме изучения памятников позднеасмолинского времени в Восточной Сарыарке) // Изучение памятников археологии Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. V. Ч.2. Барнаул, 1995
- Бейсенов А.З. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7-1 вв. до н.э.): Автореф. дисс... канд.ист.наук. Алматы, 1997
- Бейсенов А.З. Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане // Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1. 2002
- Бейсенов А.З. Ранний железный век // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы, 2004
- Боталов С.Г. Поздняя древность и средневековье // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Челябинск, 2000
- Варфоломеев В.В., Евдокимов В.В. Археологические работы на поселении Кент в 2005 году // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. Алматы, 2005
- Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61. 1956
- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980
- Дегтярева А.Д. Металлообработка раннего железного века Среднего Приишимья // Западная Сибирь – проблемы развития. Тюмень, 1994
- Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Поселение древних металлургов VIII-VII вв. до н.э. на Семипалатинском правобережье Иртыша // Вопросы археологии Казахстана. Вып.2. Алматы-Москва, 1998
- Жауымбаев С. Горное дело и металлургия бронзового века Сарырки. Караганда: КарГу им. Е.А. Букетова, 2001
- Кадырбаев М.К. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н.э. – VI в. н.э.): Автореф. дисс. ...канд.ист.наук. Алма-Ата, 1959
- Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Алма-Ата, 1959
- Кадырбаев М.К. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбулской области // Вестник АН КазССР. № 7(172). 1959
- Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966
- Кадырбаев М.К. Могильник Коргантас // Древности восточных районов Сары-Арка. Архив Института археологии, шифр 1108., 1969
- Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992
- Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988
- Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы, 1994
- Любчанский И.Э. Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами» Евразийской степи // Культуры Евразийских степей второй половины 1 тыс.н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998

- Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археологическое исследование комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I. Сб. научных трудов. Челябинск, 1999
- Любчанский И.Э. Курганы с усами: типология и хронология // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза) . Челябинск, 2006
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994
- Маргулан А.Х. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутау // Вестник АН Каз ССР. № 2 (35). 1948
- Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979
- Могильников В.А. К генезису культур Западной Сибири в эпоху раннего железа // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997
- Пересветов Г.Ю. К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников «коргантасского типа» // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006
- Полосьмак Н.В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. Новосибирск, 1990
- Свиридов А.Н. К вопросу о датировке и культурной принадлежности курганов с «усами» // Евразийский ежегодник. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2005
- Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // Археологический сборник ГосЭрмитажа. Л., вып. 22. 1981
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т.1. Древние эпохи. Астана, 2003
- Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т.П. Челябинск, 2000
- Таиров А.Д. Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII-II вв. до н.э.: Автореф. дисс... д.и.н.: 07-00-06-археология. М., 2005
- Таиров А.Д. Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994
- Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т.1. Древние эпохи. Астана, 2003
- Черников С.С. К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975
- Яблонский Л.Т. Этногенез кочевников Южного Приуралья в начале раннего железного века // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006